

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/79/10

Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию

Марина Владиславовна Фадеева

Независимый исследователь, Москва, Россия, marina.fadeeva.o@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневной жизни студентов Императорского Московского университета. Выявлены некоторые стратегии обеспечения собственных материальных потребностей, которые не описывают всей полноты студенческого опыта, но могут служить одной из рамок, при помощи которых историк способен реконструировать повседневную жизнь московского студенчества, складывавшуюся по-разному в силу разного социального и географического происхождения студентов, а также зависевшую от их успеваемости, лояльности к власти и простой удачливости.

Ключевые слова: история повседневности, российская история, история студенчества, история XIX в., история XX в.

Для цитирования: Фадеева М.В. Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 84–91. doi: 10.17223/19988613/79/10

Original article

Students giving classes: students of Imperial Moscow University in search for means of existence

Marina V. Fadeeva

Independent scientist, Moscow, Russian Federation, marina.fadeeva.o@gmail.com

Abstract. The history of students traditionally is the history of the "younger generation" of revolutionaries. With this approach, this complex phenomenon is reduced to a very schematic image. The history of everyday life, its methodological and conceptual approaches to the study of the past allow us to take a fresh look at the life of students. The microhistory method makes it possible to attempt to reconstruct one of the areas of student's everyday life and to identify strategies of students for obtaining means of existence. Correspondence of students with police officers and university authorities, student announcements found in newspapers, reports of the "Society for Assistance to the Imperial Moscow university students in need", memories of the students themselves outlined the range of sources on the basis of which it has become possible to carry out this reconstruction.

Students of the Imperial Moscow university, being alone in Moscow, could resort to the following three strategies for self-sufficiency: firstly, they could engage in sub-work (legally, if they received a special certificate from the police); secondly, they could get support from philanthropists (state or private) and thirdly, they could be provided with money by their own parents or other relatives.

The history of everyday life allows the researcher to move away from conceptual schemes and turn towards the object of study. Everyday life of the students of the Imperial Moscow university was diverse because of students' different social and geographical background, dependence on their academic performance, loyalty to the authorities and simple luck. The revealed strategies for providing one's own material needs can not describe the full students' experience, but can serve as one of the framework by which a historian can reconstruct the everyday life of Moscow students.

Keywords: history of everyday life, Russian history, history of students, history of the XIX century, history of the XX century

For citation: Fadeeva, M.V. (2022) Students giving classes: students of Imperial Moscow university in search for means of existence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 84–91. doi: 10.17223/19988613/79/10

Студенчество не обделено вниманием исследователей, однако большинство из них анализирует студентов как потенциальных участников революции. При таком подходе значительный интерес представляет лишь «передовая» часть студенчества. «Академистам» же, «равнодушной толпе» и «противникам студенческих движений», в терминологии В. Ленина [1. С. 2–3], уделяется куда меньше внимания.

Если бытие и не напрямую определяет сознание, то его изучение может показать условия формирования студенческого мировоззрения, а также позволит «очеловечить» объект рассмотрения. Изучение одной из сторон бытия студентов Московского университета – студенческих стратегий по добыванию средств к существованию – позволяет выявить доступные для студентов способы заработка, проанализировать их эффективность, показав, таким образом, на основе анализа опубликованных и неопубликованных архивных источников одну из сторон повседневной жизни студентов Императорского Московского университета.

Г.Б. Слиозберг писал о наличии в студенческой массе «разнородных, чуждых по воспитанию и привычкам элементов» [2. С. 94]. По мысли А.М. Анненкова, «как отличительную черту в студенческой среде первой трети XIX в. можно выделить свободу мнения и слова» [3. С. 112]. Описывая восприятие студентов обществом, С. Сватиков отмечал, что «синий околыш студента был патентом на доверие» [4. С. 15]. «Характерные для студенчества той поры (конец XIX – начало XX в.) ожидания благотворных перемен в российском обществе» отмечает А.Е. Иванов [5. С. 288], также обращаясь к образу студентов в общественном сознании. «Рост студенческого движения породил в среде учащейся молодежи вузов мощный импульс к самопознанию» [6. С. 658], – считал Ю.Д. Марголис.

В.Р. Лейкина-Свирская пришла к выводу о «демократическом характере» студенческого движения [7. С. 27], а В.Э. Багдасарян то же стремление студентов к участию в революционной борьбе видел «проявлением кризиса юношеской социализации» [8. С. 83]. Зарубежный исследователь С.Д. Кэссоу указывал на «ясное чувство корпоративной идентичности» [9. Р. 54] студентов. «Профессора так же, как и значительная часть так называемого образованного общества (фактически интеллигенции. – М.Ф.), воспитывают в молодом поколении, говоря кратко, революционный дух» [10. С. 55], – писал в 1911 г. университетский профессор Н.П. Боголепов.

Если определение студенчества по-прежнему вызывает дискуссии, то его характеристика часто оказывалась заранее определена политическими убеждениями исследователей. Так, в студенчестве традиционно ищут черты будущих революционеров, соответственно, также изначально рассматривая политику власти по отношению к студентам как практики надзора, контроля и подчинения (см., напр.: [11–16]). Работы, ставшие редким исключением из общего правила, оценивали отношения между студентами и властью по-иному, но придерживались столь же безапелляционной риторики (см., напр.: [17]).

История повседневности, в рамках которой исследователи последнего времени реконструируют студен-

ческую жизнь, дала возможность увидеть студентов не в роли будущих революционеров или, напротив, союзников режима, но в их обычной жизни, в устройстве быта и поиске самих себя [18–21]. Подобная оптика позволила увидеть за студенчеством не идеологический конструкт, но самих студентов в их многообразии, непохожести и невозможности вписаться в ту или иную заданную «свыше» рамку.

Вчерашний гимназист, начинавший свою жизнь в качестве студента Императорского Московского университета, сразу по приезду (а многие студенты были иногородними) должен был озаботиться решением ряда насущных вопросов – в первую очередь обеспечить себя крышей над головой и пропитанием. В распоряжении студентов было несколько стратегий: надежда на родительскую поддержку, помощь благотворителей (от государства или частных филантропов) или самообеспечение.

Редкое семейство могло обеспечивать сына-студента на протяжении всей учебы, стипендии от благотворителей также могли заканчиваться, потому важной статьей дохода студента становились подработки. Имели ли право студенты таким образом способствовать приращению своего дохода? Существовали ли какие-либо ограничения на подобную деятельность, и были ли студенты активны в попытках получения прибыли посредством собственного труда? К каким стратегиям студенты прибегали для поиска источников дохода?

Университетские уставы 1863 и 1884 гг. хранят молчание относительно вопроса студенческого заработка, указывая только на стипендии и пособия в качестве экономической помощи для учащихся. Правила, опубликованные 2 августа 1879 г., содержат следующие указания для потенциальных преподавателей: «Студентам предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах не иначе, как по особому разрешительному свидетельству за подписью инспектора (проректора). Такое свидетельство выдается только студентам, признаваемым начальством Университета вполне благонадежными в нравственном отношении, при отсутствии со стороны полиции отзывов о неблагонадежности» [22. Л. 1]. Подобные требования не были явлением исключительным. Такими же были ожидания власти от претендовавших на государственные стипендии, а также от студентов, решивших вступить в брак.

Впрочем, правила, как водится, не вводили новую норму студенческой жизни, но регламентировали уже существующую традицию заработка. Так, уже в 1866 г. московскому обер-полицмейстеру пришлось бороться даже не с самими подработками студентов, но с их рекламой. В 1866 г. предприимчивые репетиторы пытались найти потенциальных клиентов на страницах периодических изданий. На подобную деятельность обратил внимание начальник Главного управления по делам печати, в связи с чем написал московскому обер-полицмейстеру следующее: «В газетах и повременных изданиях постоянно помещаются объявления студентов университета и других высших учебных заведений, предлагающих свои услуги по обучению детей и приготовлению их в разные учебные заведе-

ния. Имея в виду, что студентам еще не разрешено законом право заниматься преподаванием и что посему помещение студентами подобных объявлений в газетах и повременных изданиях составляет прямое нарушение закона, управляющий Министерством народного просвещения просит, чтобы таковые объявления впредь не были дозволяемы к напечатанию» [23. Л. 1].

Хотя «Правила, по коим воспитанникам казенных высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах» появились только в 1872 г., а статистика выдачи возжеланных свидетельств присутствует только с 1891 г., уже в 1870 г. к московскому обер-полицмейстеру обратились сразу 93 студента с различных курсов и факультетов с одинаковой просьбой: «...желая заниматься уроками в частных домах, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне удовлетворение о благонамеренности моего поведения» [24. Л. 1]. В большинстве случаев студент в скором времени действительно получал свидетельство о политической и нравственной благонамеренности. Однако иногда московского обер-полицмейстера начинали обуревать сомнения. Тогда, к примеру, приставу Мясницкой части предписывалось «узнать и немедленно донести мне, какого вероисповедания означенный в прилагаемом при сем свидетельстве конторы квартала вверенной Вам части студент Каменский» [Там же. Л. 152].

Неясно, получили ли те 93 студента возможность преподавать на законных основаниях, но, так или иначе, уже с 1872 г. студенты имели на это полное право. Главным основанием для дозволения преподавать было признание соискателей «начальством университета или высшего учебного заведения вполне благонадежными в нравственном отношении» [16. Л. 2]. Убедиться или разувериться в этом вопросе высокое начальство могло на основании аттестата о поведении студента от прежнего учебного заведения, непосредственной деятельности его в стенах университета и отсутствия отзывов о неблагонадежности студента со стороны местной полиции. Определены и наиболее существенные последствия несоблюдения этих правил: «Студенту, оказавшемуся виновным в обучении в частных домах без установленного разрешительного свидетельства, воспрещается таковое занятие на все время нахождения в университете или другом высшем учебном заведении, а если

и после такового запрещения он будет продолжать заниматься преподаванием в частных домах, то подвергается удалению из учебного заведения» [Там же. Л. 2].

«Правила, по коим воспитанникам казенных высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах» перепечатывались на обороте каждого выдаваемого разрешения, что давало возможность контроля за студентами также и родителям учеников (в случае жалоб свидетельство могли отобрать, лишив возможности легального заработка).

К каким стратегиям поиска занятий прибегали студенты, решившие сами обеспечить свое существование? Во-первых, они могли обратиться к благотворителям: утвержденное в 1872 г. «Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета» помогало студентам в том числе в поиске подработок. Во-вторых, студенты могли найти занятия, воспользовавшись разветвленной системой связей, а также попробовать подыскать уроки или другие занятия через газетные объявления.

«Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета» за годы работы испробовало несколько стратегий благотворительности: начав с различной адресной помощи (внешение платы за студентов, выплата нуждающимся студентам единовременных пособий, открытие столовых с даровыми и дешевыми обедами и пр.), через некоторое время (с 1899 г.) благотворители решили также помогать студентам не напрямую, но посредством нахождения для них того или иного занятия.

За 6 лет Общество нашло занятия для 2 010 студентов. Несмотря на то, что очень многие студенты были заняты в переписи населения (31%), безусловное лидерство осталось за самым студенческим видом заработка – уроками в Москве (42%), а если посчитать вместе с ними еще и репетиторов, уехавших с учениками, и гувернеров, то получится как раз половина всех получивших возможность подработать (50,3%). Как видно из табл. 1, Общество стремилось увеличивать темпы помощи студентам по мере роста их численности, однако, очевидным образом, не могло помочь всем студентам. Тем не менее, как было показано выше, к примеру, в 1903 г. помощь Общества коснулась 28,5% студентов.

Таблица 1

Занятия, найденные Обществом для студентов (1899–1904 гг.)

Виды занятий	Число занятий
Уроки в Москве	847
Уроки в отъезд	155
Гувернерство	10
Переводы	18
Переписки	21
Медицинские занятия	83
Юридические занятия	5
Чтение вслух	4
Контроль на железных дорогах	120
Секретарские работы	14
Занятия по переписи населения (счетчики)	628
Иные	105

Найти уроки или другие занятия по знакомству была мечтой студента. Сдававшие комнаты хозяева, имевшие сыновей-гимназистов, часто соглашались поселить у себя студента, приняв уроки в качестве платы за проживание. О таком счастливом совпадении вспоминает студент А. Тройнин: «С завтрашнего дня я репетитор Миши, бойкого мальчугана, ученика второго класса гимназии. Условия: “на всём готовом”». «На всем готовом» – это установившаяся терминология, очень хорошо знакомая сословию студентов-репетиторов того времени: такой репетитор платы не получал, ни одного рубля. Но ему был обеспечен «стол и дом» [25. С. 56].

Менее удачливые студенты были вынуждены прилагать дополнительные усилия для поиска занятий, рекламируя свои услуги. Для целей данного исследования были изучены объявления в газете «Московский листок» с 1881 (год начала издания) по 1904 г. Среди многообразия печатавшихся в этой газете объявлений можно найти и студенческие. Выбор для анализа «Московского листка» обусловлен тем, что эта газета была относительно недорогой (стоимость подписки на месяц в течение всех рассмотренных лет составляла только 1 р.), и, соответственно, контингент читателей должен был быть относительно демократическим (в сравнении, к примеру, с «Московскими ведомостями»). Студенты могли, к примеру, по объявлениям, публиковавшимся на ее страницах, подыскивать себе относительно недорогое жилье, а также давать объявления в надежде обрести возможность заработка. В редких случаях это были объявления о поиске студентами квартиры, большинство предлагали свои услуги в качестве преподавателей, причем часто один и тот же студент не ограничивался одним объявлением, а давал несколько объявлений за год.

Казалось бы, такая гарантия легитимности студенческих подработок, как свидетельство от ректора, должна была часто фигурировать среди перечисляемых потенциальным репетитором достоинств, однако реальность, которую отражает табл. 2, позволяет убедиться в обратном: студенты ссылались на разрешение ректора только в 1890-е гг., да и тогда не очень активно.

Подобные указания присутствовали в объявлениях с 1882 по 1889 г. С 1889 по 1904 г. ни один из студентов не поместил в список своих несомненных достоинств университетское свидетельство. В целом за 23 года (1882–1904) из 802 студентов, дававших объявления, только 26 человек (чуть больше 3%) посчитали, что эта информация привлечет потенциальных работодателей. Хотя студентов, доверявших газете в поиске подработок, было не так много (в одном только 1884 г. на первый курс поступили 823 человека), в условиях жесткой экономики, в которую был поставлен каждый, решивший дать объявление (с 1884 г. объявление объемом в строку петита на последней странице оценивали в 15 коп.), очевидно, что автор объявления указывал именно то, что считал самым важным и за что ему было не жалко заплатить.

Если право на преподавание, подписанное самим ректором, было у студентов, подающих объявления в газеты, не в чести, то что же было, по их убеждению, средством более верным? Из 19 наиболее распространенных характеристик реже всего студент требовал «приличного вознаграждения», гарантировал успех, обращался к нетипичной аудитории (обещая подготовить на вольноопределяющегося или домашнего учителя), ограничивал работодателя определенным временем или пытался увлечь указанием на дополнительные выгоды, связанные с выбором именно в его пользу. Наиболее часто студенты соглашались на лето преподавать «в отъезд» (7%), работать «за стол и квартиру» (6,5%), на возможность «иных занятий» (8%). Самыми верными средствами получить урок, по мнению студентов, являлись наличие гимназической медали (5,2%), специализация (8,4%), владение языками (9%) и, вне всяких сомнений, опыт работы (16%) (табл. 3).

Интересно, что среди студентов, указывавших свою факультетскую принадлежность, больше всего оказалось не юристов и медиков, как можно было бы предположить из-за их многочисленности, но математиков (60% от всех указавших). Сколько же всего было стремившихся к репетиторству? В табл. 4 приведена статистика студенческих объявлений.

Таблица 2

Указания на наличие разрешения на право преподавания в студенческих объявлениях

Год	Количество указаний	Всего объявлений
1882	1	12
1883	5	26
1884	1	34
1885	6	26
1886	10	49
1887	2	88
1888	0	82
1889	1	64

Таблица 3

Отличительные черты студента-репетитора

Предметы преподавания (специализация)	67
Предметы преподавания (языки)	31
Гимназическая медаль	60
Знание языков (теоретическое и практическое)	105
Потенциальная аудитория (не учащиеся)	11

Окончание табл. 3

Указание на национальность студента	19
Указание на факультет	200
Разрешение ректора	26
Наличие рекомендаций	58
«Расстоянием не стесняется» (и широкая география)	55
«Временем не стесняется»	14
«Согласен за стол и квартиру»	75
«Умеренное вознаграждение»	44
«Приличное вознаграждение»	8
Гарантия успеха	4
Опыт работы	182
«Согласен в отъезд», «на лето»	84
«Или иных занятий»	92
Дополнительные навыки (игра на музыкальных инструментах, красивый почерк, массаж, сопровождение больного и пр.)	13

Таблица 4

Студенты и студенческие объявления о поисках работы

Год	Количество студентов, давших объявления	Количество студенческих объявлений*
1882	8	23
1883	24	67
1884	30	63
1885	22	49
1886	44	92
1887	90	198
1888	101	222
1889	61	185
1890	58	128
1891	27	56
1892	12	21
1893	38	63
1894	70	106
1895	30	75
1896	52	148
1897	59	139
1898	Нет данных	
1899	27	55
1900	13	24
1901	16	41
1902	8	24
1903	2	2
1904	10	13
Итого	802	1 794

* Один студент мог давать несколько объявлений в одной и той же газете.

На основе поданных объявлений вряд ли можно судить о том, сколько именно студентов получили работу и каков был их заработок. Можно лишь констатировать большой интерес студентов к поиску средств к существованию путем преподавания. Как же студенты оценивали стоимость своих услуг по урокам и репетиторству? 87 из 807 (10,85%) были согласны давать уроки за «обед и комнату». В объявлениях студенты редко указывают плату, на которую рассчитывают.

Впрочем, встречаются и исключения. В 1888 г. один студент был согласен взять урок на лето «не дешевле 40 р. в месяц» [26. С. 3], другой просил «рубль за урок» [15. С. 3]. В 1894 г. студент искал урок «за самую умеренную плату (10 р. в мес.)» [27. С. 3]. В 1896 г. студент был согласен давать уроки «за плату от 5 руб. в месяц» [28. С. 4]. В 1897 г. студент предлагал урок «по математике, за урок 3 р.» [29. С. 3]. В 1899 г. была заявлена самая высокая цена: «Студент

дает уроки здесь и на дачах, за хорошее вознаграждение (в отъезд – 100 р. в месяц)» [30. С. 4]. Поскольку данные отличаются и описывают разные формы оплаты (указана цена за урок или за месяц), по ним невозможно установить, какой была плата в действительности. Неизвестно, сколько часов в неделю студенты могли преподавать у одного заказчика, по скольким предметам студент мог давать уроки, а также получали ли студенты в полной мере ту плату, на которую рассчитывали, подавая объявления.

Встречные предложения на страницах газеты также печатались и представлялись более репрезентативными, хотя их и крайне мало. В 1893 г. приглашали студента для гимназиста 2-го класса, «плата за мес. 14 р.» [28. С. 4]. Ученика 5-го класса гимназии в 1896 г. предлагали репетировать студенту-филологу за «гонорар 15 руб. в месяц». [24. Л. 207]. Дополнительные данные о размере заработка студентов можно почерпнуть из поли-

цейских сводок. Так, в 1870 г. Александр Паперн «обучал сына Лемберха с получением 20 р. в месяц жалованья» [24. Л. 207].

Впрочем, тот факт, что студенты довольно редко упоминали наличие у них разрешения от ректора за-

ниматься преподаванием, вовсе не означает, что они напрочь игнорировали эту формальность. Архивные материалы позволяют показать не только общее число получавших свидетельства, но и их распределение по курсам и факультетам (табл. 5).

Таблица 5

Выдача студентам свидетельств на право преподавания (по годам и факультетам)

1891–1904 гг.	Историки и филологи	Естественники и математики	Юристы	Медики	Итого
Втого по факультетам	80	240	282	213	815

Уже начиная с первого года обучения в университете студенты стремились получить возможность легального заработка. Стоит отметить, что получение свидетельства, как и объявление в газете, не означает, что студент получил желаемую подработку, а является, скорее, показателем заинтересованности учащихся.

Переписка студентов с полицейскими служителями и университетским начальством, обнаруженные в газетах студенческие объявления, отчеты «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», воспоминания самих студентов очертили круг источников, на основании которых оказалось возможным выявить различные студенческие стратегии поиска средств к существованию. Студенты Императорского Московского университета, решившие самостоятельно обеспечить свои нужды в большом городе, с 1872 г. могли заниматься подработками легально, если подтверждали свою благонадежность справкой из полиции, получив в результате проверки специальное свидетельство. В поисках уроков и других занятий студенты могли воспользоваться советом знакомых, обратиться за помощью в «Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», опубликовать объявление в одной из московских газет.

Анализ газетных объявлений студентов показал, какие средства использовались для саморекламы. Так, студент в поисках уроков мог сослаться на гимназическую медаль, наличие рекомендаций, низкую стоимость оказываемых услуг, знание иностранных языков, а также и на наличие официального разрешения преподавать. Несмотря на многие другие возможности получения заработка (работа переводчиком, переписчиком, секретарем, счетчиком, контролером на железных дорогах, оказание медицинских и юридических услуг и пр.) студент учительствующий оставался наиболее узнаваемым и общественно-ожидаемым образом на рубеже XIX–XX вв.

Исследователи прошлого при анализе студенчества выбирали ту или иную типологию, разделяя студентов на категории согласно их политическим взглядам, материальному положению, степени включенности в революционную деятельность и пр. Как и любая типология, такая оптика позволяет выявить в изучаемом феномене некие типические черты, однако при подобном подходе теряются уникальность и разнообразие изучаемого объекта. История повседневности предлагает при анализе в большей степени заниматься антропологией, а не типологией прошлого. В рамках этого

подхода была предпринята попытка реконструкции одной из сфера повседневной жизни студентов Императорского Московского университета.

При анализе способов пополнения студенческого ежемесячного бюджета было выявлено несколько возможных стратегий, к которым прибегали студенты, оказавшиеся в Москве. Во-первых, они могли воспользоваться помощью родителей или других родственников. Во-вторых, возможно было обратиться за поддержкой к благотворителям (будь то получение государственной или частной стипендии либо адресная помощь от «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», оказывающего разнообразную поддержку). В-третьих, студенты могли предпринять активные действия по поиску средств для существования, найдя подработку.

Наверное, за исключением первой стратегии (ее сами студенты в воспоминаниях называли наиболее предпочтительной, хотя и недоступной для многих в силу бедности родителей), все другие способы были связаны с различными сложностями и ограничениями. Так, государственные стипендиаты должны были быть бедными и лояльными власти, частные стипендиаты также должны были соответствовать требованиям благотворителей. Получение подработок (а преподавание даже в художественной литературе ассоциируется со студентами) также контролировалось властью – для получения права на преподавание студент должен был подтвердить свою лояльность трону.

Несмотря на наличие этих стратегий, судьба каждого студента складывалась по-своему и не может быть вписана в ту или иную траекторию. Студент, положившийся на помощь родителей, мог все годы учебы в университете получать от них поддержку или отказаться от нее на старших курсах, к примеру, найдя подработку или получив стипендию. Вчерашний стипендиат мог лишиться государственной или частной поддержки, провалившись на экзамене. Студент, получивший разрешение от государства на право преподавания, мог не найти учеников, уступив более удачливому товарищу, вовремя разместившему объявление в газете или нашедшему учеников по знакомству.

Проведенный анализ не позволяет реконструировать всю полноту студенческого опыта в поисках средств к существованию, однако выявленные студенческие стратегии дают возможность предположить, каким образом студенты Императорского Московского университета могли решать вопрос о хлебе насущном.

Список источников

1. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. Письмо первое // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967. Т. 7. С. 341–356.
2. Слиозберг Г.Б. Дореволюционное русское студенчество // Памяти русского студенчества. Париж : Свеча, 1934. С. 82–95.
3. Анненков А.М. Российское студенчество первой трети XIX века в воспоминаниях современников // Культура исторической памяти. Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 2002. С. 106–113.
4. Сватиков С. Студенчество прежде и теперь // Путь студенчества : сб. ст. М. : тип. Г.В. Васильева, 1916. С. 1–19.
5. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 407 с
6. Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. С. 656–670.
7. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. : Мысль, 1971. 283 с.
8. Багдасарян В.Э. Мотивы девиантного поведения студенчества в конце XIX – начале XX вв. // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века) : сб. науч. ст. М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та (МГОУ), 2004. С. 82–95.
9. Kassow S.D. Students, Professors and State in the Tsarist Russia. Berkley et al. : University of California Press, 1989. 434 p.
10. Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета : из записок профессора Боголепова. М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. 70 с.
11. Вахтерова О.А. Студенты и власть в России во второй половине XIX – начале XX века // Власть и общество : межвуз. сб. науч. тр. СПб., 2000. С. 59–62.
12. Веселая Г.А. Студенческие волнения в Московском университете осенью 1901 года // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М. : Сов. Россия, 1974. С. 133–147.
13. Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М. : Студенческий голос, 1908. 89 с.
14. Мельгунов С. Студенческие организации 80–90 гг. в Московском университете (по архивным данным). М. : Свободная Россия, 1908. 95 с.
15. Московский листок. 1888. № 257.
16. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 286. Д. 20
17. Корсаковский А.А. По поводу беспорядков в наших высших учебных заведениях : речь, сказанная свящ. А.А. Корсаковским в торжественном собрании членов Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви 30 января 1897 г. Киев : Кушнерев, 1897. 45 с.
18. Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е – 1880-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 19 с.
19. Зимин И.В. Студенческая форма и нагрудные знаки в России XIX – начала XX века // Факты и версии : ист.-культ. альманах. СПб. : ИМИСП, 2005. С. 107–121.
20. Иванов А.Е. «Половой вопрос», брак, семья в бытовом сознании и поступках российских студентов (1880-е гг. – начало XX в.) // Российская история. 2010. № 6. С. 84–96.
21. Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века. // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Мауэр, А. Дмитриева. М. : НЛЮ, 2009. С. 371–460.
22. ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 3875.
23. ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 665.
24. ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 932.
25. Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского университета. 1991. Сер. 11. Право. № 2-5. С. 56–64.
26. Московский листок. 1888. № 140.
27. Московский листок. 1893. № 206.
28. Московский листок. 1894. № 267.
29. Московский листок. 1896. № 234.
30. Московский листок. 1897. № 276.
31. Московский листок. 1899. № 123.

References

1. Lenin, V.I. (1967) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 7. Moscow: Politizdat. pp. 341–356.
2. Sliozberg, G.B. (1934) *Dorevolutsionnoe russkoe studenchestvo* [Pre-revolutionary Russian students]. In: Bobrinsky, P.A. (ed.) *Pamyati russkogo studenchestva* [In Memory of Russian Studentship]. Paris: Svecha. pp. 82–95.
3. Annenkov, A.M. (2002) *Rossiyskoe studenchestvo pervoy treti XIX veka v vospominaniyakh sovremennikov* [Russian students in the first third of the 19th century in the memoirs of contemporaries]. In: *Kul'tura istoricheskoy pamyati* [Culture of Historical Memory]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 106–113.
4. Svatikov, S. (1916) *Studenchestvo prezhde i teper'* [Students before and now]. In: *Put' studenchestva* [The Path of Students]. Moscow: G.V. Vasiliev. pp. 1–19.
5. Ivanov, A.E. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [Student corporation of Russia in the late 19th – early 20th century: cultural and political self-organization]. Moscow: Novyy khronograf.
6. Margolis, Yu.D. (1996) *Studencheskie perepisi v Rossii 1872–1912 gg.* [Student censuses in Russia 1872–1912]. In: Alekseev, Yu.G. & Froyanov, I.Ya. (eds) *Srednevekovaya i novaya Rossiya* [Medieval and New Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 656–670.
7. Leykina-Svirskaya, V.R. (1971) *Intelligentsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Intelligentsia in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Mysl'.
8. Bagdasaryan, V.E. (2004) *Motivy deviantnogo povedeniya studenchestva v kontse XIX – nachale XX vv.* [Motives of deviant behavior of students in the late 19th – early 20th centuries]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Rossiyskoe studenchestvo: usloviya zhizni i byta (XVIII–XXI veka)* [Russian students: living conditions and life (the 18th – 21st centuries)]. Moscow: MSRU. pp. 82–95.
9. Kassow, S.D. (1989) *Students, Professors and State in the Tsarist Russia*. Berkley et al.: University of California Press.
10. Bogolepov, N.P. (1911) *Stranitsa iz zhizni Moskovskogo universiteta: iz zapiskov professora Bogolepova* [A page from the life of Moscow University: from Professor Bogolepov's notes]. Moscow: Pechatnya S.P. Yakovleva.
11. Vakhterova, O.A. (2000) *Studenty i vlast' v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Students and authorities in Russia – second half of the 19th – early 20th century]. In: *Vlast' i obshchestvo* [Power and Society: Interuniversity]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 59–62.
12. Veselaya, G.A. (1974) *Studencheskie volneniya v Moskovskom universitete osen'yu 1901 goda* [Student unrest at Moscow University in the autumn of 1901]. In: *Materialy po istorii osvoboditel'nogo dvizheniya v Rossii v period kapitalizma* [Materials on the history of the liberation movement in Russia during the period of capitalism]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 133–147.

13. Vydrin, R. (1908) *Osnovnye momenty studencheskogo dvizheniya v Rossii* [Highlights of the student movement in Russia]. Moscow: Stencheskiy golos.
14. Melgunov, S. (1908) *Studencheskie organizatsii 80–90 gg. v Moskovskom universitete (po arkhivnym dannym)* [Student organizations in the 1880s–90s at Moscow University (according to the archival data)]. Moscow: Svobodnaya Rossiya.
15. *Moskovskiy listok*. (1888). 257.
16. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 418. List 286. File 20
17. Korsakovskiy, A.A. (1897) *Po povodu besporyadkov v nashikh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh: rech', skazannaya svyashch. A.A. Korsakovskim v torzhestvennom sobranii chlenov Obshchestva rasprostraneniya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya v dukhe pravoslavnoy tserkvi 30 yanvarya 1897 g.* [Concerning the disturbances in our higher educational institutions: a speech delivered by Fr. A.A. Korsakovskiy in a solemn meeting of members of the Society for the Propagation of Religious and Moral Education in the Spirit of the Orthodox Church on January 30, 1897]. Kyiv: Kushnerev.
18. Grishunin, P.V. (2005) *Studenchestvo stolichnykh universitetov: struktury povsednevnoy zhizni. 1820-e – 1880-e gg.* [Students of metropolitan universities: structures of everyday life in 1820s–1880s]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Zimin, I.V. (2005) *Studencheskaya forma i nagrudnye znaki v Rossii XIX – nachala XX veka* [Student uniform and badges in Russia in the 19th – early 20th centuries]. In: *Fakty i versii* [Facts and Versions]. St. Petersburg: IMISP. pp. 107–121.
20. Ivanov, A.E. (2010) “Polovoy vopros”, brak, sem'ya v bytovom soznanii i postupkakh rossiyskikh studentov (1880-e gg. – nachalo XX v.) [“Gender issue”, marriage, family in everyday consciousness and actions of Russian students (1880s – early 20th century)]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 84–96.
21. Tsygankov, D. (2009) *Moskovskiy universitet v gorodskom prostranstve nachala XX veka* [Moscow University in the urban space of the early twentieth century]. In: Mauer, T. & Dmitriev, A. (eds) *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* []. Moscow: NLO. pp. 371–460.
22. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 459. List 2. T. 2. File 3875.
23. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 46. List 1. File 665.
24. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 46. List 1. File 932.
25. Traynin, A.N. (1991) *Vospominaniya o Moskovskom universitete* [Memories of Moscow University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1991. Ser. II. Pravo. 2-5. pp. 56–64.
26. *Moskovskiy listok*. (1888). 140.
27. *Moskovskiy listok*. (1893). 206.
28. *Moskovskiy listok*. (1894). 267.
29. *Moskovskiy listok*. (1896). 234.
30. *Moskovskiy listok*. (1897). 276.
31. *Moskovskiy listok*. (1899). 123.

Сведения об авторе:

Фадеева Марина Владиславовна – независимый исследователь (Москва, Россия). E-mail: marina.fadeeva.o@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Fadeeva Marina V. – Independent Scientist (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.fadeeva.o@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 03.08.2019; accepted for publication 07.09.2022